

образе ассоциаций, связанных с большинством неформализуемых понятий, на основании которых формируются законы, конструируются теории социологии, культурологии и подобных им наук. Все это, — а отмеченные факторы только часть проблемы, — естественный для социально-гуманитарной культуры контекст, который усложняет однозначное истолкование самых разных текстов и суждений. И поскольку «язык есть дом бытия» (М. Хайдеггер) [11, с. 266], и сам язык дает возможность различных интерпретаций не только текстов, но и поступков, то человек начала XXI в. должен быть готов функционировать в подобном мире. Это нужно для того, чтобы различать «естественные» трудности, с которыми встречаются люди в процессе диалога и «искусственные» проблемы, создаваемые его участниками, интерпретировать те или иные суждения выгодным для себя образом. Эта одна из причин возрастания роли гуманитарной культуры в будущем. Представляется, что со временем основы межкультурного диалога станут частью школьного образования.

Все эти факторы следует принимать во внимание при концептуализации и проблематизации природы и возможностей межкультурного диалога.

Список источников

1. Астафьева О.Н. Взаимодействие культур: модели и смыслы // Взаимодействие культур в условиях глобализации / под общ. ред. А.Н. Чумакова, Н.М. Мамедова. — М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. — С. 136—144.
2. Астафьева О.Н. Время антиманифеста мультикультурализма или конкуренции альтернативных моделей? // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские научные чтения, 17—18 мая 2012 г. — Т. I. Доклады. — СПб. : СПбГУП, 2012. — С. 253—255.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М., 1986. — 444 с.
4. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. — М., 1991. — 412 с.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир = Runaway world : как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс ; [пер. с англ. М.Л. Коробочкина]. — М. : Весь мир, 2004. — 116 с.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? (1784) // Собр. соч. : в 8 т. / И. Кант. — М. : Чоро, 1994. — Т. 8. — С. 29—37.
7. Локк Дж. Опыт веротерпимости (1667) // Соч. : в 3 т. / Дж. Локк. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — С. 66—90. — (Филос. наследие. Т. 103).
8. Философия в диалоге культур [Текст] = Philosophy in the dialogue of Cultures : Всемирный день философии (Москва—Санкт-Петербург, 16—19 нояб. 2009 г.) : материалы / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; [редкол. (отв. редакторы) : А.А. Гусейнов, С.А. Никольский, Г.Б. Степанова]. — М. : Прогресс-Традиция, 2010. — 1302 с.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ. М.Б. Левина]. — М. : АСТ : Ермак, 2004 (Тип. изд-ва Самар. дом печати). — 588 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб., 2009. — 380 с.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. В.В. Бибихина. — СПб. : Наука, 2007. — С. 266—305. — (Серия «Слово о сущем». Т. 70).
12. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Ю. Новикова]. — М. ; СПб. : АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. дом печати). — 603 с.
13. Штофф В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. — М. ; Л., 1966. — 302 с.

УДК 021.1
ББК 78.001

ЛОПАТИНА Н.В.

БИБЛИОТЕКА В КУЛЬТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена трансформациям социального института библиотеки в информационном обществе. Особое внимание уделено изменениям социально-гуманитарного характера. Выявлены формальные и неформальные образцы социальных отношений, роли и статусы библиотекаря. Рассматривается соответствие формально-правовых норм неформальным социокультурным нормам, реальных практик — формальным и неформальным нормам. Изучаются явные и неявные функции библиотеки, конфликт традиционных структур и новых институциональных норм. Раскрывается роль библиотекаря и читателя в происходящих процессах.

Ключевые слова: библиотека, библиотековедение, социология, теоретико-социологический подход в библиотековедении, культура информационного общества, формальные нормы библиотечного дела, неформальные нормы библиотечного дела, функции библиотеки, библиотека в социальных конфликтах, институциональные нормы, социальная аноμία библиотеки.

В исследованиях социальных и культурных процессов выделяется глобальный цивилизационный процесс, дающий название современному периоду социально-исторического развития, — «эпоха информатизации». Информатизация представляет собой глобальную тенденцию к изменению структуры и функционирования социальных систем и институтов под воздействием всемерного проникновения и усиления социально-преобразующего потенциала инновационных форматов информационного оперирования.

Изучение будущего библиотеки в информационном обществе требует акцентирования не только на технико-технологических новациях, модернизирующих библиотечные процессы. Наиболее интересны и значимы изменения социально-гуманитарного характера, связанные с реализацией основных функций библиотеки.

Рассматривая библиотеку как социальный институт, целесообразно опираться на понимание социального института как исторически сложившейся формы организации и регулирования общественной жизни, обеспечивающей выполнение социальных функций и включающей совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения специальных учреждений (библиотека как организация), систему контроля.

Интеграция в библиотечные исследования концепции Р. Мертон [7] и развитие структурно-функционального образа библиотеки как социального института позволяют выявить совокупность специфических формальных и неформальных образцов социальных отношений, особых ролей и статусов библиотекаря. Яркими особенностями обладает и содержание социального контроля в обществе, благодаря которому библиотека обеспечивает относительную устойчивость социальных связей и отношений в обществе в целом.

В социальной структуре прошлого и настоящего библиотека реализует нормы и правила функционирования в обществе информации, знаний, нормы и правила удовлетворения информационных потребностей; сохраняет социально-ролевую цепочку «библиотекарь — читатель». Информатизация существенно корректирует общественные отношения в области функционирования информации и знаний, удовлетворения информационных потребностей. Это связано с переходом на новый виток развития инструментария информационной деятельности. В таких условиях эффективность библиотеки зависит, во-первых, от степени соответствия формально-правовых норм неформальным социокультурным нормам; во-вторых, от степени соответствия реальных практик формальным и неформальным нормам.

Специфика библиотеки в настоящее время заключается в более сильных позициях неформальных социокультурных норм, контроля не правовыми, а именно культурными механизмами: общественным мнением, моральными оценками, встречным поведением, инициативами, социальными диффузиями новаций, адаптационными процессами и т. д.

Основываясь на структурном функционализме, следует разделять явные и неявные функции библиотеки. Основная функция библиотеки как социального института выступает ее сущностной основой, элементом, сохраняющим постоянство ее деятельности, адаптирующим к внешним изменениям. Добавленная функция удовлетворяет потребностям других социальных институтов или групп. Это нередко препятствует реализации основной функции и вызывает дисфункциональное состояние.

На наш взгляд, культуросозидающие, идеологические, образовательные, политические, культурно-просветительные, социально-управленческие и любые другие задачи библиотеки, определяемые в библиотечном исследовании как ее социальные функции, в конкретных социально-исторических условиях оказываются или представляются более развитыми, нежели ее основные функции.

Изучение производных функций библиотеки становится более интересным для библиотечного исследования. Это не случайно. Р. Мертон подчеркивал, что если ограничивать изучение социального института только явными функциями, то происходит искусная регистрация уже известных систем поведения, а «открытия в области скрытых функций представляют собой больший прирост социологического знания, чем открытия в области явных функций» [7, с. 433]. Между тем именно в слабом внимании к явным функциям библиотеки и кроются многие проблемы библиотечной науки и практики.

Если рассматривать удовлетворение информационных потребностей и обеспечение доступности опубликованной информации в качестве основной функции библиотеки, а остальные функции — как следствие ее реализации, можно отметить, что в библиотеке до последнего времени не было серьезного расхождения между «реальной» и «формальной» деятельностью, несмотря на межведомственный характер регулирования библиотечного дела. Наблюдаемый сегодня крен в сторону производных функций, например, приоритет досуговой и рекреационной функции над информационной, не может, на наш взгляд, рассматриваться как дисфункция данного социального института. Это — показатель нестабильности общества, который, тем не менее, должен насторожить информационно-библиотечную науку. В данном случае речь идет не об экономической нестабильности, а той нестабильности, которая свойственна обществу, переживающему лаг между информационной культурой уходящей эпохи и новыми информационно-коммуникативными форматами.

Мы видим описанное многими социологами явление: формируется представление о том, что институт успешно функционирует, хотя «производная» функция фактически препятствует реализации основной в результате перераспределения финансирования. Социологический подход к этой библиотечной проблеме позволяет увидеть, что усиление культурно-досуговой функции реализует потребности государственного управления и экономики (т. е. других социальных институтов).

В данном случае можно говорить о стимулируемой государством подмене основной функции библиотеки производной функцией. Следуя современным интеграционным тенденциям в управлении социальной сферой, не только библиотека, но и другие социальные институты дисфункционируют вследствие именно неопределенности, трансформации функций.

Анализируя отношение наших современников к библиотеке и книге, мы увидели аналогию с результатами исследования Т. Веблена [2]. Позитивные отклики о библиотеке нередко отражают не столько способность современных библиотек к реализации основной функции, сколько символическое восприятие ее как «храма культуры». Многие участники глубинных интервью и фокус-групп, не являющиеся пользователями библиотек, не считают возможным демонстрировать индифферентное отношение к чтению и книге и отказ от библиотеки из-за нежелания прослыть «некультурным» человеком.

Дисфункция библиотеки как социального института состоит в том, что в условиях информатизации изменившиеся социальные потребности не нашли адекватного отражения в ее деятельности. Диффузия ИКТ-новаций, новых информационно-коммуникативных форматов сформировала новые модели повседневного поведения, информационные потребности нового качества.

С одной стороны, естественна и понятна дисфункция библиотеки в начальные этапы информатизации. Тогда это выразилось в неопределенности целей ее деятельности (так как появился мощный субститут — Интернет); в падении социального престижа и авторитета. Отдельные функции библиотеки трансформировались в «ритуальную», «символическую» деятельность (не направленную на достижение рациональной цели). По мнению Т.И. Заславской, «социальные функции институтов в периоды интенсивных преобразований выполняются некомплексно, некачественно» [4, с. 114]. Кроме того, информатизация предполагает длительность, многообразие и постоянство изменений информационной среды, поэтому для библиотеки трансформации постоянны, характерны и разнообразны. Это подтверждает слова В.А. Ядова о том, что «нормой бытия социальных институтов является как раз не их стабильность, а именно изменения, реагирующие на динамизм социально-экономических и иных процессов» [12, с. 40].

С другой стороны, система ведомственного управления пытается продлить традиционный социальный уклад библиотеки, оставить ее функции неизменными, что вызывает стагнацию этого социального института. Основной акцент сделан на функцию сохранения материальной культуры (самого книжного богатства и его оцифровку), в то время как общество выдвигало потребность в доступности не только материального, но и нематериального информационного и культурного наследия. Таким образом, сформировался лаг между социальной потребностью и реальными возможностями библиотеки.

Одним из показателей этого выступает особое явление: правила и нормы, составляющие основу институционализации, разделяет библиотекарь, а массовый актор (читатель) — нет. Это и находит проявление в снижении числа пользователей библиотек. Новые правила и институциональные нормы на начальных этапах формирования вступают в конфликт с традиционными структурами библиотечного дела.

Массовый потребитель выступает ведущим социальным субъектом информационной сферы, забрав у библиотекаря лидерство в определении форматов и содержании взаимодействия. Это обусловлено следующими факторами:

- приоритетом в эффекте присутствия в современных социально-информационных системах;
- информационной активностью;
- возможностями трансляции своих требований и впечатлений в различные фрагменты социального пространства (до государственной власти);
- правами публичной оценки социальной эффективности библиотеки;
- возможностями устанавливать свои неформальные правила и нетрадиционные образцы информационного поведения.

На изменение социального статуса библиотеки и библиотекаря влияют:

- упущенные библиотекарем возможности на начальных этапах информатизации;
- отставание библиотекаря от массового актора;
- адаптивные стратегии, лежащие в основе деятельности современной библиотеки;
- усиление субституциональной конкуренции (конкуренции взаимозаменяемых информационных институтов — библиотеки и книжного рынка, библиотеки и Интернета или чтения и просмотра телевизионных программ, чтения и общения с широким кругом знакомых и незнакомых людей).

В этих условиях возникает задача коэволюции [9] — «двойной обратной связи», в нашем случае — взаимных приспособлений библиотекаря и массового актора, который по сути дела вывел библиотеку из своих повседневных практик. Содержание рассматриваемой научно-практической задачи заключается не только в констатации трансформационных явлений и проблем, но и в достижении целевой совместимости стратегий и инструментария проектирования библиотечной деятельности в новых социальных, экономических, политических и культурных условиях.

Решение поставленной научной задачи предполагает ее декомпозицию, исходя из концептуальных приоритетов в построении гипотезы. С одной стороны, можно предположить, что развитие библиотеки в современном обществе определяется влиянием исключительно факторов внешней среды (социальных, технологических, экономических, политических) и происходит в рамках адаптивной модели. С другой стороны, деятельностно-активистская парадигма

социального развития [1; 3; 11; 12] позволяет выдвинуть гипотезу об определяющей роли самой библиотеки в процессах ее развития в конкретных исторических условиях, в удовлетворении социальных потребностей, которое реализует библиотека «руками» библиотекаря.

Воспроизводство библиотеки как социального института — это результат квалифицированной деятельности библиотекаря, а структура библиотечных практик создается в зоне взаимодействия смыслов, норм и власти. Не структура влияет на библиотекаря, а библиотекарь может взаимодействовать с ней или противодействовать ей, при этом происходит воспроизводство социальных отношений, обладающих актуальными характеристиками. Библиотека не только ограничивает своими структурными рамками действия библиотекаря, но и одновременно стимулирует его участие в дальнейшем институциональном строительстве, вплоть до изменения самой структуры социального института.

Основной конфликт библиотечного сообщества заключается в противостоянии двух профессиональных позиций — активно-деятельностной и адаптивной. Он пронизывает все статусные уровни (от простого библиотекаря до профессиональной элиты). Социальными регуляторами поведения профессиональных акторов выступают не нормы и типовые модели поведения в социально-профессиональной среде, а индивидуальный выбор личности, ее ценности и мотивы, которые, тем не менее, со временем образуют нормы и типовые модели поведения.

Миссия библиотекаря в ситуации институциональной аномии заключается в разрешении этого конфликта и воспроизводстве тех социальных отношений, которые лежат в основе библиотеки в новых условиях общественного развития. Перечислим перспективные, на наш взгляд, направления развития социальных отношений библиотекаря и читателя.

1. Реструктуризация классических цепочек «библиотекарь — читатель» и «библиотекарь — общество» в условиях изменения роли читателя. Ставится задача адаптации социальных систем посредством ценностных (культурных) и поведенческих изменений библиотекаря и других акторов. Библиотекарь теряет роль «гуру» и упускает из рук разрешенные обществом «веревочки» патернализма, возрастает роль инициатив читателя в продвижении новых норм и других новаций.

2. Расширение разнообразия социально-ролевых цепочек, в которые интегрирован библиотекарь: «автор — издатель — библиотекарь — читатель», «автор — издатель — государство — библиотекарь — читатель», «государство — автор — издатель — библиотекарь — читатель»; «библиотекарь — семья», «библиотекарь — школа», «библиотекарь — политические движения», «библиотекарь — местные сообщества»*. Законное пред-

ставительство интересов автора и читателя посредством обеспечения взаимодействия между ними — принципиально новая задача библиотекаря в современной информационной среде.

3. Персонализация библиотечных технологий и полиакторность в структурировании и функционировании информационного пространства:

- трансляция изменений с микроуровня на макроуровень (ранее изменения традиционно осуществлялись «сверху вниз»);
- новые социальные роли библиотекаря в отношениях «автор — читатель» (например, исключение из цепочки издателя определяет новые функции библиотекаря);
- информационная культура как условие дилетантизма (каждый человек, владеющий инструментами трансляции информации в открытое информационное пространство, получил возможность осуществлять информационную деятельность, например, рекомендательную библиографию в Интернете, но всегда ли содержание деятельности дилетанта и профессионала имеют одинаковый результат?);
- габитус 2.0 — «система прочных приобретенных предрасположенностей» читателя к активному участию в создании и изменении контента, воздействию на единичного пользователя, на группу и сообщество в целом (контент, генерируемый пользователем (UGC), для каталогов («каталог 2.0.»), рейтинги и рекомендации в управлении фондами, краудсорсинг как источник метаданных, рекомендательной библиографии);
- читательский консьюмеризм — общественные движения, контролирующие качество библиотечных услуг со стороны потребителей в рамках социального государства и гражданского общества.

4. Дифференциация общества и государства как потребителей услуг библиотекаря (усиление участия библиотекаря в стратегической ориентации информационной инфраструктуры общества; преодоление примитивизации и архаизации социальных функций библиотекаря в государственных заданиях).

Социальные задачи современной библиотеки видятся следующим образом:

- обеспечение доступности разнообразных способов удовлетворения информационных и других потребностей, имеющих информационную природу, для потребителей всех уровней;

врач — пациент» не предполагает, что «пациент» как ситуативное воплощение массового актора будет обязательно читателем библиотеки, но его заинтересованность в ее деятельности высока: врач должен получить доступ к pertinentному информационному ресурсу, предлагающему новые методы лечения какой-либо болезни. Таким образом, не будучи непосредственно читателем, значительная часть массового актора опосредованно выступает потребителем библиотекаря, удовлетворяющего информационные потребности отдельных социальных институтов (наука, здравоохранение, право, государственная власть и т. д.) и акторов, знания и компетенции которых зависят от доступности информации.

* Социальная роль библиотекаря в современном мире не исчерпывается взаимодействием исключительно с «реальным» пользователем библиотеки. Например, социально-ролевая цепочка «библиотекарь —

- сбалансированное (в соответствии с общественными потребностями) распределение информационных ресурсов в социальном пространстве; реализация политики равных возможностей и доступности информационного разнообразия (содержание, вкладываемое нами в понятие разнообразия, шире традиционных постмодернистских представлений о разнообразии как всех отличающихся друг от друга элементах одной системы) [5; 8].
- упорядочение социального взаимодействия, связанного с функционированием в обществе информации и знания (от личностно-психологических до макросоциальных уровней); учет интересов всех участников социально-информационных процессов;
- информационная аналитика культуры, науки, политики, основанная на изучении информационных потребностей, массивов и потоков, позволяющая определять перспективные направления развития данных социальных институтов;
- содействие социализации и продвижению гуманитарно-ориентированных типовых моделей поведения.

Предлагаемая нами трактовка понятия разнообразия подразумевает выбор личностью, социальной группой, организацией, обществом из множества информационных явлений тех, которые более всего соответствуют задачам социальной активности субъекта, особенностям его информационной культуры [6].

Категория разнообразия выступает основой «закона Лотмана — Шрейдера»: в кризисные периоды определенные пласты культуры подвергаются давлению, снижающему их естественное разнообразие за счет исчезновения «крайних элементов», резко отличающихся от среднего уровня в положительную или отрицательную сторону. Следовательно, уменьшение разнообразия, отторжение всего, что отличается от заурядности, является важным признаком кризисного состояния. По мнению Ю.А. Шрейдера, тенденция к уменьшению разнообразия есть существенный симптом кризиса культурной ситуации, а увеличение разнообразия свидетельствует о здоровье культуры [10].

На наш взгляд, современная социальная задача библиотекаря как актора информатизации состоит не просто в обеспечении доступности, а в обеспечении доступно-

сти именно разнообразия, предоставлении свободного выбора тех информационных ресурсов или той формы удовлетворения информационной потребности, которые наиболее соответствуют пожеланиям и особенностям потребителя. Значимость такого решения обусловливается тем, что разнообразие расширяет возможности выбора, выступая одним из важнейших источников развития в «обществе потребления», члены которого привыкли к вариативности.

Список источников

1. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Дж. Александр. — М. : Праксис, 2013. — 630 с.
2. *Веблен Т.* Теория праздного класса / Т. Веблен. — М., 1984. — 368 с.
3. *Гидденс Э.* Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
4. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальные механизмы трансформации / Т.И. Заславская. — М. : Дело, 2004. — 400 с.
5. *Лопатина Н.В.* Социальный и антропологический контекст информатизации современной социокультурной среды / Н.В. Лопатина, О.Б. Сладкова // Вестник МГУКИ. — 2011. — № 1. — С. 154—159.
6. *Лопатина Н.В.* Управление информатизацией: теоретико-социологический подход : монография / Н.В. Лопатина ; Москов. гос. ун-т культуры и искусств. — М., 2006. — 236 с.
7. *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. — М., 1994. — С. 207—246.
8. *Сляднева Н.А.* Информационно-креативный цикл как условие антикризисного развития социума // Ученые записки. Вып. 23. — М. : МГУКИ, 2001. — С. 5—25.
9. *Урсул А.Д.* Путь в ноосферу : концепция выживания и устойчивого развития человечества / А.Д. Урсул. — М. : Луч, 1993. — 275 с.
10. *Шрейдер Ю.А.* Закон Лотмана в культурологии // Информационное общество: культурологические аспекты и проблемы : междунар. науч. конф. — Краснодар, 1997. — С. 29—30.
11. *Штомпка П.* Социология: анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польского С.М. Червонной. — М. : Логос, 2005. — 664 с.
12. *Ядов В.А.* Современная социологическая теория как концептуальная база исследований российских трансформаций / В.А. Ядов. — СПб., 2009. — 138 с.